

5. Мямлин К. «Вашингтонский консенсус» против «пекинского консенсуса» // Око планеты. – 19.02.2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oko-planet.su/politik/politikmir/31695-vashingtonskij-konsensus-protiv-pekinskogo.html>
6. Шнипко О. Інноваційний дефолт України: економіко-технологічний контекст: Монографія / О.С. Шнипко. – К.: Генеза, 2009. – 248 с.
7. Пекинский консенсус как согласие наций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/Rus_Jornal/49/10.pdf
8. Павловський М. А. Стратегія розвитку суспільства: Україна і світ (економіка, політологія, соціологія). – К.: Техніка, 2001. – 312 с.
9. Маслов О. Ю. Конкуренция глобальных Проектов: «Вашингтонский консенсус» vs «Пекинский консенсус» // Ежедневное независимое аналитическое обозрение. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.nnov.ru/2009/01/06/gistpewashproj2/>

УДК 304.5:911.3

СТЕНЫ КАК ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА ГОСУДАРСТВ УТВЕРДИТЬ ГРАНИЦЫ

Р. Х. Халиков

Построить стену, разграничив зоны безопасности и зоны риска – в XXI веке такое возможно прежде всего в символическом смысле. Трудно ожидать, что в эпоху Web 2.0, боевых дронов и других достижений цивилизации стена на границе может уберечь от наступающих сил противника или хотя бы контрабанды. Впрочем, стена, настоящая стена из бетона и колючей проволоки, может нести и символическую нагрузку, обозначая границы территории, в пределах которых государство берет на себя ответственность, а извне оставляет неконтролируемую и потенциально вражескую территорию. В этом контексте интересными примерами успешного и не слишком строительства являются Турция и Украина, которые в течение последних нескольких лет работают над проектами стен на границе.

Турция строит стену на границе со страной, которая хотя и не воюет с ней, но является потенциальной угрозой из-за неуправляемой внутренней ситуации. Значительные территории сирийского приграничья контролируются группировками, которые считаются в Турции террористами (YPG и до недавнего времени – IS). Следовательно, в 2014 году Турция начала строить линию укреплений вдоль границы, и на начало 2017 года уже была готова стена длиной около 300 км, состоящая из бетонных блоков высотой 3 м, нескольких линий колючей проволоки, опорных пунктов охраны и т.п. (то есть почти треть границы между Турцией и Сирией) и, по словам официальных турецких медиа, это существенно снизило количество незаконных пересечений границы. Линию фортификационных сооружений, которая должна включать в себя не только бетонные и земляные валы, но и опорные пункты, траншеи и т.д., начали строить также и на границе Украины и РФ, и тоже в 2014 году. Несмотря на то, что РФ не объявляла Украине войны, она считается агрессором, а значит стена на границе не менее символична для Украины, чем для Турции. Однако к началу 2017 года проект почти не был реализован. Очевидно, что проект имел скорее символический и электоральный характер, как и проект стены между США и Мексикой, анонсированный Дональдом Трампом и привлечший к нему внимание ксенофобски ориентированного электората на выборах Президента США. Реальное создание стены в данном случае не является необходимым, поскольку целью проекта

становится символическое выражение нежелания дальнейшего контакта между странами.

Отложив в сторону различные темпы реализации проектов, следует обратиться к еще одному, не менее важному параметру – отношение правительств к своей территории и населению, находящихся в непосредственной близости к стене. Вполне логично предположить, что они являются объектом внутренней политики, то есть на них распространяются те же нормы, что и на всю остальную территорию и население трансграничной территории. Безопасность и права людей, находящихся вблизи стен, является зоной ответственности правительства, так же, как и здания, и инфраструктура. Если правительство не в состоянии контролировать эти объекты, он должно, по крайней мере, искать пути решения проблем.

Турецкое правительство имеет подобные проблемы, в том числе и условно недружественное и малоконтролируемое население вдоль стены, имеющее близких и единомышленников за стеной. Впрочем, даже несмотря на периодические установления комендантского часа и проведение антитеррористических мероприятий, следует сказать, что турецкие власти относятся более лояльно к своему населению. Курдские политические партии (даже левые, не замеченные в связях с РКК) имеют в парламенте своих представителей. В курдских населенных пунктах на границе с Сирией названия вдоль дороги дублируются на турецком и курдском языках. Кстати, следует упомянуть, что непосредственно рядом с границей (на некоторых участках в нескольких десятках метров от стены) проходит оживленная и идеально ровная международная трасса D400, которая, несмотря на войну считается достаточно безопасной и пользуется большим спросом среди перевозчиков. Это свидетельствует об отношении к территории внутри стены как к своей, подконтрольной правительству, а к местному населению – как к гражданам и электорату, который можно склонить на свою сторону, а не просто отстранить от политической жизни, лишив права голоса. С другой стороны, турецкий политический режим является относительно стабильным и авторитарным, а после проведения конституционной реформы можно ожидать, что в ближайшие годы электоральные вопросы не будут приоритетом высшего руководства страны. Для выработки долгосрочной политики это является скорее положительным фактором, как отмечает в своих исследованиях Д. Белл на примере КНР. Соответственно, правительство которое не боится проиграть выборы через год-два, планирует свою деятельность на 10–15 лет вперед, а значит может действительно организовать долгосрочный проект строительства, периодически обращая на него внимание общества как на достижение и используя для легитимации своего пребывания при власти. В свою очередь, для правительства, не уверенного в своём пребывании у руля в течение нескольких ближайших лет, важнее произвести одномоментное впечатление на электорат, а успешное завершение проекта не является столь принципиальным.

Подводя итоги, следует сказать, что бетонную стену на беспокойной границе может построить только государство, относящееся к территории внутри стены как в подконтрольной, и правительство, способное взять на себя ответственность за эту территорию и население, на ней проживающее. С другой стороны, неспособность завершить громко анонсированный оборонный проект, даже если его значение преимущественно является символическим, свидетельствует о безответственности и незаинтересованности исполнителей.